

НОВАБРЬ – ВОЛЧИЙ ВОЙ!

Рафаил Рахматуллович Хаялин родился в 1937 году в селе Татарская Каргала Сакмарского района. Работал ассистентом кинооператора в корпункте Куйбышевской студии кинохроники, кинооператором студии телевидения в Оренбурге, корреспондентом новостной программы страны – «Время». После выхода на пенсию трудился в лаборатории электронных СМИ при факультете журналистики ОГУ. Его документальные фильмы «Прокофий и Евдокия», «Песнь сурка», «Чёрным по зелёному», «Оренбургский пуховый платок», «Трактористки» и др. удостоивались призовых мест на кинофестивалях российского и международного уровня, показывались в Каннах, Барселоне, Венеции, Берлине. «Отличник советского телевидения» (1986), Заслуженный работник культуры РФ (2000). Награждён Золотой медалью лауреата премии М. Ломоносова. Живёт в селе Татарская Каргала Сакмарского района Оренбургской области.

Чердак. Старый чердак, где живёт неизменное время. Оно безмолвно стяхивает слежавшуюся за долгие годы пыль, как ветер трясёт яблоню, чтобы осыпать её плоды. Опасаясь нарушить спящую тишину, время начинает трогать доски на крыше, и между ними появляются щели, через которые падают вниз маленькие частички. Да, пыль берётся не просто так, а является неотъемлемой частью старого чердака. Той его частью, которая со временем обратилась в прах.

Но вот через такую щель показался яркий луч солнца. Он осветил мне старый солдатский сундук, полный счастья. Мирно жил он, хозяин времени, прижавшись к тёплой печной трубе, словно бы говоря: «На чём стоял, на том стою!» Я осторожно поднял его крышку и почувствовал радость перед чудесно-неизвестным, как пишут авторы в приключенческих романах. Смахнув с него

пыль, застыл на месте. В нём, оказывается, хранились дореволюционные толстые тетради с забытыми песнями моих тётушек. Кому нужны были в том яростном, строящем коммунизм мире эти девичьи тетради с рисунками цветочков, листиков, ягод и стихами. «Да, это прошлое... Вот и листай угасшую жизнь... Может, снова окажешься в том времени», — сказал я сам себе и начал перебирать ветхие страницы. Ведь старое новое бережёт.

Среди тетрадок лежала солидная, в кожаной истёртой обложке, амбарная книга. От многочисленных открываний кожа потеряла вид и поблёкла. Все записи были на арабском. Красивая восточная вязь, затейливые, причудливо-мудрёные буквы. Правда, что рукописи имеют свойство вновь возрождаться из забвенья.

Чтобы прочесть эту книгу, пришлось сесть за изучение арабского. Зачем тебе сейчас арабская графика? Но учиться всегда интересно и полезно. Через месяц-полтора я уже сносно читал старую амбарную книгу. В ней оказались деловые записи преуспевающего в своём деле человека. Очень ловко, как-то по-современному, повествовал этот текст о своём времени. Он назывался «Ноябрь — волчий вой!» И дальше, этой же рукой было написано: «Предание из жизни Сагита бен Аит. 1752 год, месяц ноябрь». Это были деловые записи купца — моего предка

Сагита, основателя сегодняшней Татарской Каргалы.

Читаю дальше: «Человек знает способ одолеть любого, кто стоит на его пути...» Потом шла затёртая временем запись. Нужно её восстановить. Но как вернуть это время? Многие бы сказали в такой ситуации, что текст вилами на воде писан. Но я посчитал, что подобные мысли были бы недовольством своим счастьем. Мало того, это было бы недовольство Богом!

Я и сейчас живу в селе, основанном дедом по велению императрицы Елизаветы Петровны. Вокруг те же поля, луга, заросшие кустами шиповника, жимолостью. Вспомнились дальние просторы, самые лучшие травы, росшие в нетронутой земле, что называлась «каруба». В 1954 году, когда страна по велению партии и правительства СССР «поднимала целину», вспахали 500 гектаров этой прекрасной земли. И не стало лугового сена. А хороших урожаев пшеницы пришлось ждать раз в десять лет.

Как знакома мне каждая низина с самой вкусной земляникой на свете. Помню, как, спрятавшись за телегу с сеном, я шёл с палкой на охоту убивать дрофу. Это было время войны. Отцы на фронте. Заготовкой сена на зиму колхозной скотине занимались женщины. Мы, детки малые, много дней и ночей с матерями проводили в дальней степи. На лугах, как дома, стояли омёты. Много бабочек, играя

в воздухе, поднимались выше белых облаков. Жили и спали мы на полу старого деревянного амбара, настелив много душистого сена. Матери с детьми засыпали в мягких дремотных травах... Наполненные жаром солнца, они заботливо укрывали нас.

В ясные лунные ночи к амбару подходили волки, но, почуяв людей, уходили дальше. Щели старого амбара показывали нам этих пока безобидных зверей. Запомнилась и темнота со своими сказками. Мать, укрывая нас сеном, начинала так:

— В давние времена жила-была умница Коза-дереза. У неё росли три козлёнка (нас, детишек, в ночном амбаре было трое). Ходила Коза по лугам, собирала детишкам-козлятушкам молочка. И с песнями возвращалась в свой дом.

По полям, по долам хожу,
Полевые цветы, травы срываю.
В одно вымя — молочко,
В другое — душистой сметанки.

Так она пела каждый день. Серый волк слушал, слушал эту песнь и выучил её. И вот однажды пришёл он к козлятам, спел песенку и кричит: «Откройте дверь, детки!» А козлята в ответ: «Нет, твой голос некрасив. Ты не наша мама. Уходи, волк!»

Мы же ждали продолжение сказки о том, как волк пошёл к медведю-кузнецу, чтобы сделать тонким свой язык. Волк обещал за это жирную овцу. И вот началась

работа. Волк высунул красный язык и положил на наковальню. Медведь, засучив рукава, взял молоток и начал ковать, отбивать язык волка. Эта сказка повторялась каждый раз после посещения нашего амбара волками. А дальше, конечно же, мама рассказывала о падении волка в яму, приготовленную козой и козлятами. Мы ждали, что хлынет новая порция козлиных чудес. Глаза наши слипались, рты начинали зевать. Мы засыпали, видя во сне, как падает волк. Я тоже падал долго-долго. Утром я рассказывал маме свой сон. Она говорила: «Бог тебе в помощь, ты растёшь!»

Я отвлек вас воспоминаниями детства. Вернёмся к амбарной книге. По мере того как я перелистывал увесистый фолиант, с его страниц оживало то, что давно кануло с лица земли. Читая, я понял, что эти записи были об охоте. Старая, истрёпанная до дыр бумага донесла только малую часть рассказа. Потеряны, вырваны страницы... Оставшийся текст был записан одной рукой. Рукой моего прапрапрадеда, Сагита Хаялина. Вот некоторые отрывки.

«Ни тепла, ни холода, остаток осени, ноябрь. Холодное утро. Еду в гору (или в город). Пасмурно, но стало яснее, когда...»

Стёрты буквы, догадывайся сам. Но что такое время, когда есть желание узнать, разгадать, что же там дальше написано?

И эти загадочные арабские буквы, как волшебная сказка. Пишущий хотел сделать предание правдоподобным. В XVIII веке это писалось как чтиво для развлечения или как свидетельство? Есть над чем подумать...

«...Всегда нас волновала тема звериного в человеке и человеческого в звере. Волк и человек. Они никогда не помышляли о дружбе. Хотя человек всегда мечтал приручить дикого зверя. Ведь приручил же он собаку, кошку, лошадь. Серый — так звали матёрого самца. Он спал коротким, тяжёлым сном. Просыпался от сновидений, в которых догонял, рвал чью-то окровавленную плоть, разгрызал чьи-то кости. Это ушедшие сны кинувшего, обещающего...» (далее стёрто).

«...Волчье логово на берегу реки, где козырьком выступал плоский камень. А под ним, в глубине — волчье семейство, щенята с волчицей. Старый волк, предводитель стаи, всегда ночевал на этом каменном выступе. Он поднимался раньше всех — раздобыть до утра заблудшего телёнка, барашка или зазевавшегося зайца. Если лапами не потопает, ртом не зачавкает. Но сейчас его думы были о другом: «Пока ничего не видно. Перед глазами только степь — вечный дом в этой Вселенной, которая принадлежит нам, волкам. Потухли звёзды, скоро выход солнца. Всё здесь наше, волчье:

и дуновение ветра, и колышание веток дерева, и речка с живительными язычками волн. Всё, что движется, прячется и убегает, всё наше, волчье. И люди с их лошадьми, овцами, коровами — всё наше. Мы терпим тебя, человек, выжидаем. Видим твою несусветную дикость! Ведь ты уничтожаешь степь. Пашешь землю беспорядочно, бесцельно. Сеешь высокие травы — рожь, пшеницу. Загородил быструю речку запрудой. Поставил шумный дом — мельницу. Как жить дальше?» — так думал на высоком берегу реки лобастый старый волк, предводитель стаи.

«Ах, это безмолвие! Как хорошо было, — потянулся, растягиваясь. — Наш главный небесный хищник, ты создал эту тишину в степи! Ты всегда слышал мой крик и радовался ему, разрывающему страх. О великий Волк, ты, ревуший, рвущий и пожирающий, обещай нам, волкам, живущим в этой дикой степи, много дородной живности, плоти и крови. Времена отцов-волков идеальны, намного лучше, чем моё время. Чувствую пятой, с человеком жизнь в степи идёт к разращению».

Так, в своих думах, Серый поднял крупную голову к рассветному небу и встал во весь рост. Белёлая волчья шерсть поднялась дыбом. Он всем телом почувствовал топот лошадиных копыт издали и увидел поднимающегося вверх по склону

всадника. Волк, забыв осторожность охотника, смело стоял, показывая всаднику себя. Вот он я...»

Я оторвался от чтения. Живо представил себе этого волка в свете холодного утра и белое облачко дыхания лошади. Подумалось, что автор строк пишет с какой-то нежностью.

«Волк ещё раз почувствовал тяжёлый запах лошади. Резкий свист наездника, словно стрелы, пронзил воздух. По всему телу волка пробежала волна дрожи и напряжения. Надвигалась страшная угроза всей стае. Мать-волчица лежала с выводком этого года в логове. Услышав шум и топот копыт, вся волчья семья вышла из логова. В силуэте человека волк узнал известного в этих краях волчатника и осознал близость смерти.

Инстинкт самосохранения принёс хладнокровное решение увести зло как можно дальше от будущей стаи. Только не надо суетиться. Вот эти прилески, кусты помогут. Он давно продумал в бдительном мозгу траекторию побега. Сжавшись в комок, легко оттолкнувшись от земли, волк побежал, как весенний быстрый ручеёк, по ковыльным возвышенностям, открытым всем ветрам. Он был снова в силе, нужен стае, проворен душой и телом.

Слабый ветерок подул влажной. Последние улетающие утки о чём-то гоготали. Среди озёрных камышей волк оскалился.

Захотелось пить. Но лошадиный топот преследовал, а впереди подъём. После него — кувырком вниз, в открытую прогалину. Там куст шиповника, а внизу Сакмара. Вдруг куст сильно качнулся, и из-под него выскочил заяц. Волк мог бы его догнать и растерзать, но его гнал страх за логово с волчатами, за волчицу, за житиё в этой степи, которую считал своей.

В душе всадника страха не было. Наоборот, бешеная ярость горела в глазах. Он был рад этой случайной встрече. Коня по имени Чандар не нужно было сейчас держать в узде, и всадник дал ему волю. Обученный, он знал, что хозяин обязательно усмирит дубинкой серого зверя и только потом успокоится. В унисон галопу конь думал: «Догнать, догону, догнали...» А в голове чуть согнувшегося вперёд ездока билось: «Убить, убиваемый, убитый...»

Светлая степь. По ней бежал сильный зверь. За ним — кентавр, человек-лошадь. Они неслись, оставляя степные ветры позади, приближаясь к бездне, где нет спасения. Наклонялись в сторону сухие травы, из которых вылетали мелкие птицы, оставшиеся зимовать. Волк, чуть тормознув, с берега реки кубарем скатился на золотой песок замёрзшего пляжа. Жёлто-серая косуля со свистом подпрыгнула, оставив только следы на песке. Впереди река, сзади человек.

«Да, он тоже зверь, — думал волк. — Его тоже гложет жажда моей крови. Но его рука сильнее моей лапы. Да и мой клык не сравнить с его дубиной. Река, помоги, успокой своё течение. Дай мне возможность доплыть до противоположного берега».

Он плыл и думал, что ему, убийще-охотнику, неведом страх. У него возникло чувство, что он опять щенок-волчонок, который боролся с грозными волнами среди буйного весеннего потока. Его тогда спасла мать-волчица, схватив в последний миг крепкими зубами за загривок. Вспоминая прошлое, он впервые почувствовал унижение, стыд за себя.

Вот и берег. Всё болело, вода хлынула горлом. Лёгкие горели. Надо мчаться наверх. А там другая земля, мир степной. Волк тяжело дышал. Но он бежал вперёд всё дальше и дальше, уже не ощущая скорости бега и слыша лошадиный топот рядом.

Чандар, приседая на задние ноги, тоже скатился к берегу. Небо, ветер, пески и унылая осень. Конь ощутил облегчение, ведь впереди живительная влага. Войдя в реку, он сунул пенную морду в воду. Хотел вволю напиться, но уздечка резко дёрнулась. Глоток воды, освежив горло, снова вылился в реку. «В следующий раз», — спокойно подумал жеребец и, быстро семеня ногами, вошёл в воду и поплыл».

Дальше текст рукописи пошёл от лица человека.

«Я обнял свою дубинку, подтянул ноги, чтобы не намочить валенки, и сел на седло по-турецки. Всё равно догоню тебя, зверь. Ты с такой отвагой и стойкостью борешься. Но всё равно догоню и покажу тебе твою преисподнюю. Пропала твоя головушка, осиротела шея. Крутись, крутись. Не завидую тебе».

Его мысли были похожи на заклинание охотника. Это поднимало настроение. Человек уже мысленно обладал телом волка.

«Зверь исчез, а мы ещё плывём. Как найдём его, если и след его простыл? Ничего! Мой Чандар найдёт его по духу. Недаром в стойле перед кормушкой висит волчья шкура. Этот запах он не забудет никогда.

Поднявшись на берег реки, я увидел заречный луг. Осенний ветер смягчил очертания пустых кустов. За ними сидел волк с открытой пастью и тяжело дышал. Он замер, увидев меня. Тревожно наострил уши, встал и резво бросился в степь. Тягостное степное молчание с треском разорвалось от топота лошади. Дико храпя, Чандар мчался бешеным галопом. Подо мной был сильный рыжий конь, не отличающийся красотой, но зато выносливый и быстрый. Я скакал, не отрывая глаз от серого пятна. Только поправлял жёсткие усы, в которых уже проступала седина. Изумительная гонка! Душа с ликованием летела по воздуху. Рождалась музыка волшебных

звуков «тра-ак-так, тра-ак-так». Я мчался на коне за волком, невольно совмещая в себе оба сознания — своё и его. Ведь и он когда-то догонял добычу под свою музыку. Наши жизни — это победа над врагом. Позади у меня осталось унылое сидение за писанием цифр. Кредит, дебет. Сколько стоит пуд соли? Сколько серебро? У купца не всегда интересная жизнь».

Дальше бумага истлела. Пропали буквы и мысли пишущего. С другой страницы...

«...на загорелом лице всё равно проступает румянец. Отец говорил, что у меня лицо человека, который знает, что хочет, и добивается этого. Я доволен своим делом, любимой охотой. Бег, топот, звяканье уздечки, храп лошади. Вот это жизнь!»

И снова слова волка.

«В холодном ноябрьском воздухе, среди холмов, реял едва уловимый запах жизни. Где-то чутко ночевала крупная живность. Косули, например, по осторожности не уступают нам, волкам. Это утро ниспослало мне злой рок. Примириться с ним? Нет, нет! В моих силах спасти и себя, и будущую стаю волков. Что нужно человеку от меня? Кому нужны мои острые клыки, налитые кровью глаза, моя злая жестокость? Бешеное зло моего сердца, преврати меня в сильный ветер, чтобы обрушиться на всадника с вершины. Ты волшебство, чарующее злом. У тебя нет

тени. Обернись в ярость, чтобы уничтожить этого кентавра. Волчий Бог, не покинь меня! Дай мне силы перегрызть ему горло и провить тихий реквием человечеству! Удача, улыбнись!

Сердце волка стучало громко. Глаза гневно заискрились...»

Потом заговорил человек.

«Я приблизился к зверю максимально и готовился к удару по большой волчьей башке. Нет, ещё не время! Но чёрной тенью, превратив себя в ветер, волк впился в шею лошади. Не удержался, густая грива не позволила. Я со всей силой нанёс удар. Неудачно! Дубинка скользнула по волчьей спине и по боку. Зверь упал, перевернулся и начал бег в обратную сторону. По моему лицу струились ручейки пота. Руки дрожали. В первый раз промахнулся! Пока разворачивал лошадь, волк скрылся за холмом. Он устремился туда, где тонкой полоской чернел лес. С гиканьем и свистом я помчался за ним. Зверь бежал по утрамбованной за лето земле не как прежде, а чуть прихрамывая. Были видны тропинки, проложенные другими животными. Пар валил из его пасти. Под копытами Чандара дрожала, содрогалась земля. Я сглотнул текущие по лицу капли пота, тыльной стороной руки вытер лицо. Я настигал его. Поправил дубину. Сердце, готовясь к удару, громко билось. От большой скорости и от ветра глаза мои словно провалились в

глазницы. Какое опасное время-провождение. И чего мне не сиделось дома?

А пока усталый волчий взгляд разглядел впереди очертания светлого круга метров 20-30 в диаметре. Это был лёд замёрзших осенних дождей, собравшихся в ложбине. Зверь вступил на лёд, лапы разъехались, и он бездыханно присел. Ещё раз попытался встать, ползти. Но кости обратились в тяжёлый свинец, а кровь в воду. По телу пробежали судороги. Тело сжалось в комок. В этот момент он не был испуганным творением природы».

«Да, я жил! Да, я был бодрый, счастливый зверь. Всегда думал о будущем стаи. Моё семейство не чужеродно для природы».

Последовали слова человека.

«Я спешил. Встал твёрдо. Изматывающее преследование закончилось. Переложил дубину из левой руки в правую. Заметил, что под прозрачным льдом видны трёхлапые листья земляники. Я приближался, осторожно переставляя подшитые валенки. Увидев яркие, злые, янтарные волчьи глаза, вздрогнул. Сердце ёкнуло. Ещё шаги, ещё...»

Волк стонал от бессилья. Он поднял голову и увидел меня. Наши глаза встретились. Но слиться воедино душам человека и зверя не суждено. Говорят, что у зверей есть лишь инстинкт. Вывалившийся язык охлаждал

загнанное тело зверя. Ты мне язык показываешь? Задохнулся? Устал? Не бойся... Ты меня знаешь... Ты всегда убегал. И вот я настиг тебя, наконец-то.

Оцепеневший волк сидел парализованно-уставший. Глаза потухли. Игра проиграна. Всё кончено!

Я схватил висевший красной тряпкой язык голой рукой. Зверь почувствовал тепло человека. В затуманенном мозгу мелькнуло: «Чужеродное тепло... Я что, стал человеком? Или ты такой же зверь, только двуногий?» Волк затряс головой в надежде скинуть мою руку. Но не тут-то было. Эти руки не только крепко держат узду, но и правят всем миром. Руки человека строят, ломают, разрушают, берут, дают, ловят, убивают.

Да, я схватил шершавый, как наждак, язык волка, наклонил рвано раненную в драках большую голову и ударил по ней. При яркой луне издали послышалась протяжная грустная мелодия. Это вой матери-волчицы из чёрной безвозвратной тьмы отозвался на жестокий удар дубинки. И последний звук последнего выдоха выхлопнул взрывом: «У-уах-х». Этот предсмертный взрыв подхватил холодный ветер севера, чтобы укутать страхом всю степь целиком... Волчий Бог не спас!

Закрылись глаза волка. Вошла чёрная тень. «Позор сильнее смерти!» — подумал он, падая. И распахнулся перед ним

белый светлый мир. И он уснул вечным, а не коротким тревожным сном. Тусклое ноябрьское солнце увидело лежащего волка, нашедшего душевный покой на груди у матери-земли, и скрылось за маленьким облачком.

Распластанное зло лежало на холодном льду. Я взял зверя за задние лапы и потащил. Чандар определил движение хозяина, встал поперёк для удобства. Ведь так было много раз. Неплоха жизнь, а, Чандар? Взяв за узду, я сказал «чук», что на татарском значит «сделай реверанс». Реверанс господину Волку! Лошадь послушалась. Я с силой перетащил пятипудовое тело поперёк на седло, а лапы перевязал ремешком. На спине лошади оказалась привычная для неё тяжесть.

Тут со свистом налетел холодный ветер. Я только сейчас увидел свою длинную тень. Скоро ночь, а я и не заметил. Но мы

время даром не теряли... О Аллах праведный, мой выход на волка — твоё веление... Господи, прости меня! Тишина. Дальше шли молча. Я вдруг начал понимать нечеловеческую жизнь зверя и свою понимаю...» (буквы стёрты).

«Долгая дорога до дома. Жизнь, как воздух, ничего не стоит... Всеµу приходит конец... Нескончаемые травы полегли по велению ветра, и степь гладко светилась белым покрывалом. Луна лучезарным светом покрыла степь. Мрачно, но как-то хорошо.

То, что я сделал сегодня, было необходимо. Повернувшись к Чандару, сказал: «Аминь, братец! Не хочешь быть зверем среди людей, так выходи каждый раз против зверя!» Когда зашли во двор, услышал за скалой вой... Да, ноябрь месяц — волчий вой. Волк воет — человечество будет жить!»